Н.Е. Борисова

Конституционные приоритеты защиты прав ребенка

В статье проанализированы конституционно-правовые проблемы защиты прав ребенка. Сделан вывод, что правовое положение несовершеннолетних характеризуется не только установлением особого порядка реализации их прав, но и особым порядком ответственности, обусловленным ограничением юридических обязанностей несовершеннолетних, наряду с признанием в полном объеме их прав.

Ключевые слова: права ребенка; правосубъектность; ребенок; несовершеннолетний; Конституция; законодательство.

Понятие защиты прав ребенка сегодня прочно вошло в нашу жизнь. Настолько прочно, что мы порой забываем, что конкретно понимается под этой защитой. В современных условиях отношения к ребенку как самостоятельному субъекту права[1], от воспитания, образования, социализации которого зависит будущее любого государства, следовательно, и России, понятие «защита» применяется в его широком значении, включая закрепление необходимых для подрастающего поколения прав и свобод, механизм их реализации и, разумеется, конкретную защиту в случае нарушения прав ребенка.

Данное триединство (законодательное закрепление, механизм реализации и восстановление нарушенных прав ребенка) и составляет основу государственной политики в отношении несовершеннолетних.

Тема защиты прав ребенка имеет поистине многовековую историю. Вопросы реализации и защиты законных интересов и прав ребенка являются одними из самых сложных и трудноразрешимых в юридической практике. В свою очередь, особенность и специфика правового положения несовершеннолетних общепризнаны, что, собственно, и порождает необходимость повышенного внимания к одной из наименее защищенных категорий населения [1: с. 190].

Как известно, отношение человека к праву в его возможных ипостасях проявляется через категорию «правосубъектность». И если с правоспособностью несовершеннолетних все абсолютно понятно, поскольку возникает она с момента рождения, то объем, качество, полнота их дееспособности вызывают определенные вопросы. В этой связи считаем необходимым остановиться на некоторых проблемах. Подчеркнем, что для нас важна не столько теоретическая составляющая данной темы, сколько практическое значение уровня «разумения»,

[1] В соответствии с Конституцией РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17).

самостоятельности «дитя на подросте», в том числе с точки зрения определения ответственности подрастающего поколения, не только реализации принадлежащих ему прав и свобод, но и несения обязанностей несовершеннолетним как самостоятельным субъектом права.

В соответствии со статьей 60 Конституции РФ граждане РФ могут самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет [6: с. 639]. Именно с этим возрастом связано наступление всех показателей зрелости, куда входит зрелость физическая, определяемая физическим состоянием; психическая, свидетельствующая об умении разумно руководить своими действиями, и, наконец, что не менее важно, так называемая социальная, позволяющая самостоятельно участвовать в жизни общества.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) делит несовершеннолетних на три возрастные группы, причем первую группу — детей от рождения до 6 лет — относит к полностью недееспособным, без всяких исключений[2]. Такая позиция ГК РФ и вызывает у нас определенные возражения. С точки зрения обыденного сознания трудно назвать ребенка 3–5 лет полностью недееспособным: как правило, он в состоянии понимать обращенные к нему слова, просьбы, требования, осознавать плохие и хорошие (в соответствии с возрастом) действия, более того, вместе со взрослым (или под его контролем) совершать мелкие сделки. Но главным представляется другое — закрепляя его полную недееспособность, мы приравниваем ребенка к объекту права.

В данном случае мы придерживаемся конституционного подхода к несовершеннолетнему как самостоятельному субъекту права. Определенный интерес представляет точка зрения, согласно которой понятие «самостоятельно осуществлять» не отождествимо с гражданской дееспособностью. В комментируемой статье Конституции РФ говорится о более широком явлении, нежели гражданская дееспособность, которая выступает лишь как частный случай общей способности гражданина самостоятельно осуществлять гарантированные государством права и налагаемые им обязанности [5: с. 404–405]. Не стоит забывать, что в ГК РФ принимается во внимание прежде всего сделкоспособность.

Разумеется, дети чаще вступают в фактические, а не общественные отношения. Однако они также участвуют в общественных отношениях и прямо, и опосредованно (через своих законных представителей, например), только закрепленный нормативом порядок взаимодействия сторон устанавливается с поправкой на особенности физического и психического развития, «неразумения» ребенка. Родители (и лица, их заменяющие) являются и фактически, и юридически представителями собственных детей. Как известно, ранее права ребенка институциализировались в основном через его семейно-правовой статус, поскольку считалось, что когда взрослый человек вступает в правоотношения не только от своего имени, но и от имени своих детей, то совпадение их интересов при этом презюмируется. К сожалению, произошедшие в нашей

[2] Гражданский кодекс РФ, статья 28 «Дееспособность малолетних».

стране за последние десятилетия коренные социально-экономические изменения выявили возможность несовпадения, а порой и противоположности интересов родителей и детей, что также актуализирует конституционное закрепление статуса несовершеннолетнего как самостоятельного субъекта права.

Учитывая, что физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после его рождения, в первое время своего существования человек, как и всякое другое существо, является совершенно беспомощным и без содействия других лиц фактически обречен на гибель. Необходимая помощь может быть организована в обществе двояким образом: входит в обязанности родителей и оказывается непосредственно государством и обществом, в котором человек рождается.

Дееспособность — не совсем природное свойство, а готовность к совершению определенных действий и поступков, предусмотренных законом; признанная законом способность нести обязанности. К данным действиям государство допускает всех и каждого, за исключением граждан, не способных совершать разумные действия, отдавать себе отчет в том, что и для чего они делают. Поэтому ради более гибкого правового регулирования отношений с участием этих лиц вводятся понятия полной и частичной дееспособности. Гражданским законодательством предусмотрено ограничение дееспособности. Оно распространяется, во-первых, на несовершеннолетних; во-вторых, на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами.

Поэтому представляется важным, что при определении специфики дееспособности несовершеннолетнего корректнее будет использовать термин «неполная (или частичная) дееспособность», несмотря на установленную юридическую терминологию ограничения прав в законном порядке. Поскольку то, что в российском законодательстве несовершеннолетних ставят в один ряд с людьми, страдающими психическими расстройствами, нетрудоспособными взрослыми, косвенно, определенным образом умаляет правовой статус детей.

Для целостности восприятия правомочности несовершеннолетнего можно предложить следующую формулировку: его правоспособность дополняется дееспособностью родителя или его законного представителя. Отмечая сложность и тонкость правовых взаимоотношений детей и их законных представителей в части совпадения их интересов, необходимо сделать ряд акцентов [7: с. 77–85]. В процессе правового регулирования отношений между родителями (или лицами, их заменяющими) и детьми должны быть решены две взаимосвязанные задачи. Законодательство должно учитывать лично-доверительную природу отношений этих лиц, поэтому государственное вмешательство в эту сферу должно быть минимальным. С другой стороны, при угрозе интересам детей со стороны родителей или других членов семьи, не говоря уже о фактическом нарушении прав несовершеннолетних, должны включаться действенные юридические механизмы защиты этих прав. Следует также учитывать признаваемое многими специалистами в области семейного права фактическое юридическое неравенство детей и их законных представителей.

Даже с точки зрения возрастных, психологических, социальных и других характеристик отношения родитель – ребенок нельзя признать отношениями равных субъектов [3: с. 37–38].

Таким образом, специфика правоспособности и дееспособности несовершеннолетних в конституционном формате основывается на следующих ключевых положениях:

– ребенок, как и всякий человек, гражданин, обладает правоспособностью от рождения;

– из-за недостаточного возрастного физического и психического развития ребенок не может быть полностью дееспособным, т. е. он в полной мере не способен к осмысленному, действенному, волевому акту, предполагающему элемент ответственности;

– правовой вакуум в контексте обеспечения реализации интересов практически невозможен, следовательно, неполная дееспособность должна компенсироваться, дополняться дееспособностью взрослого или взрослых, в юридическом смысле, их (детей) законных представителей, обладающих полной дееспособностью.

В связи с вышесказанным надо иметь в виду, что, действительно, признание ребенка юридически самостоятельным субъектом права вовсе не означает практической реализации им самим всех принадлежащих ему прав и свобод. Нельзя забывать о понятии разумного в праве. Отсутствие нижнего возрастного предела вступления в брак не подразумевает выдачу замуж шестилетней девочки, так же как и наличие политических прав ребенка никак не сказывается на росте организации митингов и шествий малолетними детьми. Само понятие конституционного статуса ребенка никак не противоречит его семейному воспитанию, уважению родителей. В который раз не устанем повторять, что приоритет семьи в воспитании, образовании, становлении, развитии ребенка очевиден и бесспорен.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Согласно Конституции России общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Таким общепризнанным международным правовым актом является и Конвенция ООН «О правах ребенка». Обратим внимание, что в последнее время приходится слышать предложения даже об отмене данного конституционного положения. Применительно к Конвенции критику вызывает ее положение о «приоритете интересов ребенка над интересами государства». Кавычки в данном случае не означают цитирования Конвенции, это вольная «интерпретация» конкретной статьи 3 (ч. 1). А вот ее непосредственный текст: «Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Как видим, здесь нет «приоритета», речь идет о наилучшем обеспечении интересов детей. А разве это

противоречит в целом признанной основе государственной политики в отношении детей? Разве не в интересах любого государства заботиться о своем будущем?

В процессе исторического развития правового статуса несовершеннолетних прослеживается явная тенденция рассматривать недостижение ребенком определенного возраста не как средство ограничения его прав, а в качестве причины установления дополнительных гарантий их реализации, что также полностью соответствует духу российской Конституции 1993 года.

Нельзя не признать, что в конечном итоге исследование правового статуса ребенка, как и его реализация, направлено на защиту человеческого потенциала. «Масштабы и острота существующих проблем в сфере детства, возникающие новые вызовы, интересы будущего страны и ее безопасности настоятельно требуют от органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, гражданского общества принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты»[3]. Обсуждение вопроса о необходимости социальной и правовой защиты молодежи и несовершеннолетних затрагивает интересы не менее одной трети населения страны, причем той его части, с которой связаны рост, прогресс, поступательное движение во всех сферах общественного развития, что в конечном итоге отвечает государственным интересам.

Права, свободы, законные интересы и обязанности образуют основу (ядро) правового статуса, составляют его сердцевину [4: с. 237], определяют правовое положение личности в обществе, ее роль, возможности, участие в государственных делах. Данное положение закреплено в статье 64 Конституции России. Поскольку ключевые, определяющие права и свободы человека и гражданина, включая несовершеннолетнего, содержатся в конституционных нормах, то именно они имеют в определении правового положения ребенка решающее значение. Отсюда закрепление особой защиты прав ребенка в Конституции РФ придало бы его статусу гарантированность. Кроме того, от конституционного закрепления наиболее общих принципиальных положений, касающихся защиты прав детей, зависит их дальнейшая конкретизация в отраслевом законодательстве.

Как известно, в главе 2 Конституции РФ назван полный перечень прав и обязанностей, распространяемых либо на «каждого», либо на «гражданина РФ». Представляется, что гражданин Российской Федерации, которому не исполнилось 18 лет, может рассчитывать на распространение данных норм и на себя. Единственным основанием для ограничения вышеперечисленных прав и обязанностей несовершеннолетних является зафиксированный в законе возраст, с наступлением которого закон связывает возникновение тех или иных прав и обязанностей.

Что касается классификации конституционных норм применительно к детям [2: с. 40–52], то предлагается к первой группе отнести положения

---

[3] Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761. URL: http://www.kremlin.ru/acts/15530 (дата обращения: 20.06.2015).

об основах конституционного строя, имеющие прямое отношение к защите прав и интересов несовершеннолетних. Во-первых, Конституция Российской Федерации провозглашает человека (независимо от возраста), его права и свободы высшей ценностью и устанавливает их признание, соблюдение и защиту обязанностью государства (ст. 2), причем социального, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7, п. 1). Во-вторых, раскрывает механизм реализации социальной политики в интересах детей путем обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 7, п. 2). Эти программные конституционные установления, являясь нормативными, оказывают общеобязательное регулирующее воздействие на перспективу развития общественных отношений посредством закрепления правовых ориентиров (каковым является, например, социальное государство), целевых установок для организации всего правового регулирования и правоприменительной деятельности.

Ко второй группе можно отнести конституционные нормы, посвященные детям непосредственно в прямой постановке. Речь идет о положениях, устанавливающих, что детство (как и материнство и семья) находится под защитой государства (ст. 38, п. 1), и забота о детях и их воспитании — равное право и обязанность родителей (ст. 38, п. 2); гарантирующих каждому социальное обеспечение для воспитания детей в случаях болезни, инвалидности, потери кормильца и прочее (ст. 39, п. 1); обязывающих родителей или лиц, их заменяющих, обеспечивать получение детьми основного общего образования (ст. 43, п. 4).

В очередной раз сделаем акцент на то, что в названных выше конституционных положениях ребенок (дети) рассматривается только вкупе с материнством, семьей, родителями, кормильцем. Объяснение этому надо искать, с одной стороны, в разумном приоритете семьи как естественной среды жизни и воспитания ребенка (о чем было сказано выше), с другой — в особенностях исторического развития законодательства о детях, в неограниченной родительской власти. Тем не менее можно утверждать, что настоящая Конституция рассматривает ребенка как самостоятельного носителя прав. Достаточно посмотреть на эволюцию правового положения ребенка в конституционном формате. Конституция (Основной закон) РСФСР 1937 года [6: с. 538–555] в главе 11 «Основные права и обязанности граждан», обеспечивая право на государственную охрану интересов матери и ребенка; широкую сеть родильных домов, детских яслей и садов; всеобщее обязательное начальное образование; бесплатность образования, включая высшее, фактически определила универсальный «маршрут» взросления ребенка: роддом – ясли – детский сад – школа – вуз (ст. 125, 126). Несмотря на то, что государственная охрана интересов матери и ребенка выступает здесь в качестве гарантии, способа обеспечения женщине равных прав с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, это можно назвать прогрессивным шагом в конституционном обеспечении прав ребенка.

В Конституции (Основном законе) РСФСР 1978 года [6: с. 556–586] говорится уже о правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства опять-таки в качестве мер обеспечения равных прав женщинам и мужчинам в РСФСР (ст. 33). В качестве новаций отметим статью 51, провозглашающую, что «семья находится под защитой государства»; статью 64, обязывающую граждан заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества и, что важно, обязывающую детей, причем независимо от возраста, заботиться о родителях и оказывать им помощь. Нашего внимания заслуживают положения статьи 40 Конституции об «особой заботе о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием» [6: с. 563].

Третью группу конституционных норм составляют положения Конституции РФ, регламентирующие права и свободы человека и гражданина, использующие формулу «каждый» (право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени, свободу совести, мысли и слова и многие другие), которые в равной степени касаются как взрослых, так и несовершеннолетних. В отношении ребенка диалектика процесса проявляется в том, что и сам правовой статус влияет на становление ребенка как личности.

Отдельного рассмотрения требует проблема ответственности несовершеннолетних. Очевидно, что формирование ответственности закладывается задолго до совершеннолетия. Поэтому, игнорируя вопрос об обязанностях несовершеннолетних, мы «приучаем» их к иждивенчеству и инфантильности, в результате чего проигрывает как общество, так и сами дети. Понятно, что основной объем ответственности возлагается на взрослого человека, и надо искать предел обязанности несовершеннолетних, но в сознании ребенка понятия прав и свобод (о чем так много говорят в последние годы, в том числе при знакомстве детей с Конвенцией о правах ребенка) должны быть неразрывны с обязанностями и ответственностью.

Правовое положение несовершеннолетних характеризуется не только установлением особого порядка реализации их прав, но и особым порядком ответственности, обусловленным ограничением юридических обязанностей несовершеннолетних, наряду с признанием в полном объеме их прав. К сожалению, дилетантский, упрощенный подход к преподаванию прав ребенка, основ прав человека самим детям также может привести к безответственности целого ряда подрастающих поколений, а далее к неуважению к закону и совершению правонарушения. Такой подход, на наш взгляд, также является следствием проявления нигилизма в отношении к ребенку как самостоятельному субъекту права в соответствии с Конституцией России.

Литература

1. *Борисова Н.Е.* Защита несовершеннолетних в правовых традициях России // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая

практика: мат-лы ежегодной Междунар. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (23 апреля 2015 г.) / под общ. ред. Д.А. Пашенцева; МГПУ. Рязань: Концепция, 2015. 569 с.

2. *Борисова Н.Е.* Правовое положение несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2013. 52 с.

3. *Борисова Н.Е.* Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. 3-е изд. М.: РГСУ, 2007. 138 с.

4. *Витрук Н.В.* Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. литература, 1985. 234 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. 706 с.

6. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII–XX веков: хрестоматия / сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ЮКЭА, 2000. 679 с.

7. *Нечаева А.М.* Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85.

Literatura

1. *Borisova N.E.* Zashhita nesovershennoletnix v pravovy'x tradiciyax Rossii // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly' ezhegodnoj Mezhdunar. nauch. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (23 aprelya 2015 g.) / pod obshh. red. D.A. Pashenceva; MGPU. Ryazan': Koncepciya, 2015. 569 s.

2. *Borisova N.E.* Pravovoe polozhenie nesovershennoletnix i molodezhi v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2013. 52 s.

3. *Borisova N.E.* Pravovoe polozhenie nesovershennoletnix v Rossijskoj Federacii. 3-e izd. M.: RGSU, 2007. 138 s.

4. *Vitruk N.V.* Pravovoj status lichnosti v SSSR. M.: Yurid. literatura, 1985. 234 s.

5. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod obshh. red. V.D. Karpovicha. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Yurait-M; Novaya pravovaya kul'tura, 2002. 706 s.

6. Konstitucionnoe pravo Rossii. Osnovny'e zakony', konstitucii i dokumenty' XVIII–XX vekov: xrestomatiya / sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk: YuKEA, 2000. 679 s.

7. *Nechaeva A.M.* Interesy' rebenka kak ob'ekt semejno-pravovoj zashhity' // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 1. S. 77–85.

N.E. Borisova

Constitutional Prioritize the Protection of Children's Rights

The article analyzes the constitutional and legal problems of protection of child rights. It is concluded that the legal status of minors is characterized not only the establishment of a special procedure for the realization of their rights, but also a special procedure for liability due to limitations of legal responsibility of minors, along with the recognition of the full extent of their rights.

Keywords: children's rights; the legal personality of the child; a minor; the Constitution; legislation.